

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Иванов А.А. Вооруженные силы и создание вторичных социальных институтов // Национальная безопасность / nota bene. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0668.2024.5.71701 EDN: FCOZCZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71701

Вооруженные силы и создание вторичных социальных институтов

Иванов Андрей Александрович

ORCID: 0000-0003-4097-9447

доктор исторических наук

доцент; кафедра гуманитарных наук; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

196084, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 51

ivanova85@list.ru

[Статья из рубрики "Экономическое обеспечение национальной безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2024.5.71701

EDN:

FCOZCZ

Дата направления статьи в редакцию:

14-09-2024

Аннотация: В настоящей статье автор подробно рассматривает различные аспекты превращения вооруженных сил в инструмент социально-экономической модернизации. Объектом исследования в данном случае выступает армия как социальный институт, а предметом исследования являются исторические примеры гибридных институциональных соглашений с участием армии для проектирования новых институциональных образований. Целью настоящего исследования является поиск альтернативных методов капитализации военного потенциала современных государств в меняющихся условиях многополярного мира на базе исторического опыта. Особое внимание уделяется позитивным примерам участия вооруженных сил в процессах гибридизации в прошлом, а именно – духовно-рыцарским орденам, восточным единоборствам, средневековому военному наемничеству и т.д. В то же время, приводятся и примеры неудачных гибридных соглашений – местничества, военных поселений и т.д. Методология исследования опирается на достижения "новой институциональной экономической

теории" и предполагает выявление места и роли вооруженных сил в социальном механизме посредством структурно-функционального и процессуально-динамического анализа. Основным выводом проведенного исследования является заключение о том, что задача превращения традиционных институтов национальной безопасности в инструмент социально-экономической модернизации может быть решена, если рассматривать социум не только в контексте разнообразия содержания, а с точки зрения взаимосвязей между составляющими его универсальными понятиями. Научная новизна предложенного подхода состоит в том, что армия и иные силовые ведомства важны не только сами по себе, но как часть исторически сложившейся институциональной матрицы, а кооперация и гибридизация институтов внутри матрицы в таком ключе открывают широкие возможности преодоления факторов, сдерживающих социально-экономическое развитие. Авторский вклад в решение поставленной исследовательской цели заключается в установлении связи между «валентностью» социальных институтов, связанных с применением насилия, и способностью общества находить баланс между безопасностью и прогрессом.

Ключевые слова:

институты, институциональная матрица, универсалии, гибридизация, военное предпринимательство, рыцарские ордена, наемничество, местничество, мафия, военные поселения

Гипотеза исследования

В XX веке американский антрополог К. Уисслер в книге «Человек и культура» изложил идею о существовании «культурных универсалий», являющихся типовыми аспектами жизни любой общности, вне зависимости от места обитания, численности и иных характеристик. Он полагал, что каждая этнокультурная группа для стабилизации внутренних и внешних отношений структурирует свою жизнь в соответствии с набором комплексов, таких как речь, искусство, семья, собственность и т.д. При этом исследователь делал оговорку, что «практически невозможно провести удовлетворительное различие между примитивными и высшими культурами, кроме различия по сложности или богатству содержания» [1, р. 78]. Получалось, что при наличии общих черт – «универсальных культурных паттернов» – у каждого народа, содержание этих черт могло быть различным.

Данный тезис лег в основу гипотезы о том, что институциональные различия между государствами лежат не в области культурных универсалий, составлявших фундаментальные основы всех традиционных обществ, а определяются структурами второго порядка, появившимися на основе комбинаций первичных институтов (универсалий) под влиянием разных условий жизни этносов, исторического опыта и индивидуальных инноваций. Соответственно, преодоление проблемы зависимости от траектории предшествующего развития (осуществление модернизации) социума возможно за счет проектирования подобных новообразований посредством соединения структурных элементов первичных институтов между собой.

Понятие вторичных институтов

Наряду с фундаментальными институтами (армией, семьей, производством и т.д.) в обществе функционируют вспомогательные (комплементарные) институты, которые носят

вторичный характер по отношению к институтам базовым, а их задача состоит в нивелировании недостатков географического, климатического, демографического и иного характера, характерных для каждого территориального образования. Более того, эффективно спроектированные «вторичные» институты способны создать механизм трансформации этих недостатков в драйверы социально-экономического развития.

На этот эффект обращал внимание еще Дж. Вико, по мнению которого наличие в обществе стабильных норм позволяет не только минимизировать негативные последствия несовершенства человеческой природы, но и извлекать из них выгоду, поэтому «из свирепости, скупости и честолюбия» создаются такие институты как «войско, торговля и двор» [2, р. 56]. Однако более детальную проработку данная мысль получила в работах С.Г. Кирдиной-Чэндлер – с ее точки зрения, социально-экономический успех страны часто зависит от способности внедрять дополнительные институты, обеспечивающие развитие общества без покушения на сложившуюся институциональную матрицу, характеризующуюся инвариантностью к внешним воздействиям [3]. В определенной степени поддерживает данный взгляд и академик В.М. Полтерович, считающий, что для проведения успешной модернизации необходимо проектирование особых «промежуточных» институтов, которые (даже будучи неоптимальными по своему устройству) обеспечивают преодоление блокировок социально-экономических реформ через своеобразную гибридизацию [4]. То есть, модернизация представляется поэтапным эндо-экзогенным процессом, на каждой стадии которого исторически сложившиеся в данном обществе институты постепенно дополняются элементами трансплантируемых извне институтов, чтобы данная комбинация и не встречала сопротивления элит, и позволяла постепенно адаптироваться к изменениям рядовым гражданам. Одна из ключевых проблем в этом контексте заключается в устойчивости не столько внутренних нормативных или идеологических черт реформируемых институтов, а больше моделей взаимодействия между ними.

Соответственно, и успешность общества в длительной временной протяженности часто может быть связана не столько с внутренним устройством государства, армии, религии или производства, но с формами контактов между этими институтами – гибридными институциональными соглашениями (гражданско-военными, государственно-церковными и т.д.). Можно говорить о существовании, как минимум, трех моделей таких контактов: кооперационной, сепарационной и конфронтационной, каждая из которых обладает определенными преимуществами и недостатками применительно к взаимодействию конкретных институтов в рамках единой матрицы. К примеру, П. де Кубертен, возрождая Олимпийские игры в XIX веке, небезосновательно отстаивал идею о сепарационном характере взаимоотношений спорта и политики. Такая модель может считаться вполне допустимой, если подразумевает формальное равенство социальных институтов и прав их членов при раздельном пользовании этими правами и невмешательстве во внутренние дела друг друга – иными словами, сосуществование должно протекать по принципу «кольцо борромео». На деле проблемой при реализации данной модели выступает социальная стратификация, когда формальное невмешательство дополняется ранжированием институтов и групп по престижу и влиянию. Это ограничивает свободу самореализации индивидов и способствует сохранению неравенства, затрудняя полноценное формирование порядка открытого доступа. К тому же, взаимодействие институтов в реальной исторической обстановке редко подразумевает возможность осуществления равных по степени санкций за нарушение принципа невмешательства. С другой стороны, в рамках социологии конфликта Л. Козер убедительно показал, что конфронтация является важнейшим фактором прогресса в общественных отношениях [5].

Однако нельзя не принимать во внимание и то, что конфликты между институтами могут сопровождаться значительными разрушениями, финансовыми и демографическими потерями. К примеру, недовольство генералитета испанской армии результатами выборов в парламент 1936 года (символическую победу одержал «Народный фронт», выступавший за сокращение численности офицерского корпуса) привело к путчу и началу продолжительной Гражданской войны.

Аналогично, в период «культурной революции» в Китае борьба с ревизионизмом на фоне неудачи «Большого скачка» изначально сводилась к репрессиям в отношении представителей интеллектуального меньшинства (институтов культуры) – ученых, преподавателей, журналистов, актеров и писателей, инженеров и т.д. В истории России такого рода институциональные конфронтации представлены, например, событиями второй половины XVII века, среди которых церковный «раскол» и стрелецкие бунты. В данном контексте выгоды от ускорения социального развития могут быть существенно ниже долгосрочных издержек от дезинтеграции. Скажем, победа московского князя Дмитрия Донского в Куликовской битве 1380 году над войсками темника Мамая повлекла за собой дестабилизацию русско-ордынских отношений. В результате, регулярный характер приобрели политически немотивированные татарские набеги на русские княжества, пленившие их жителей с целью продажи в качестве рабов. К середине XVI в. Ивану IV пришлось вводить специальный налог – «полоняннические деньги» – на выкуп таких пленников у татар, занимавший примерно 3,5–4,8% в общей номенклатуре налогов Московского царства. Отсюда, вероятно, лишь кооперационный сценарий способен обеспечить формирование эффективных вторичных институтов в длительной временной протяженности. Если рассматривать экономическую составляющую социальных отношений в данной плоскости, то в противовес точке зрения о роли конкуренции в развитии и совершенствовании любой системы можно выдвинуть аргумент о важности кооперации. Собственно, именно в отходе от широкого применения кооперационной модели институционального взаимодействия П. Козловски видел одну из причин кризисных тенденций в современном обществе – к примеру, дивергенция норм труда и отдыха, по его мнению, привела к дисфункции между гедонистической направленностью капиталистического общества и характером производства, базирующегося на строгой трудовой этике и самоотречении [\[6, р. 104\]](#).

Действительно, исследование опыта модернизации в Южной Корее заставляет обратить внимание на роль «чеболей» («Самсунг», «Хендэ», «Дэу» и др.) – финансово-промышленных групп, управляемых крупными кланами, т.е. представлявшими собой союз институтов семьи и предпринимательства, поддерживаемый государством. Хотя на Западе ведение семейного бизнеса часто наталкивается на проблему неформальных отношений на работе, что затрудняет применение санкций к подчиненным-родственникам, в Азии, как оказалось, подобный симбиоз долгое время обеспечивал дебюрократизацию и более качественную коммуникацию. Вдобавок, высокое качество государственно-частного партнерства в энергетическом секторе Японии в 1980-х годах нередко связывается с общностью трактовки многих понятий участниками взаимодействия. К примеру, японские элиты придавали большое значение категории «национальная безопасность», но воспринимали ее не в военно-политическом, а в экономическом контексте – понятие «стоимость энергии» играло для них большую роль, чем термины «военный союз» или «ядерное оружие» [\[7, р. 80\]](#). Этот эффект был связан с тем, что большинство чиновников и предпринимателей, связанных с этой отраслью, учились в Токийском и Киотском университетах, поэтому их взгляды и на экономику, и на внешнюю политику совпадали по многим параметрам. Тем самым, эффективность взаимодействия являлась продуктом координации усилий институтов государственной власти,

предпринимательства и образования.

Наконец, интеграция различных социальных институтов в единый механизм под эгидой вооруженных сил может способствовать совершенствованию военной теории и практики, что в современном мире нашло выражение в распространении так называемых «гибридных войн». Данный формат конфликта предполагает совмещение военной агрессии с применением не только инструментов шпионажа, саботажа и дезинформации, но и медийных средств (для деморализации населения противника), а также дипломатических и экономических санкций.

Впрочем, кооперационная модель также является эффективной далеко не во всех случаях. Дело в том, что интеграция усилий разнородных структурных образований, как правило, все же имеет определенного бенефициара, чьи личные или корпоративные интересы могли не совпадать с общенациональными. Так, при изучении причин складывания в России системы крепостного права А. Каган выдвинул предположение, что формирование подобных институтов обусловлено способностью элитарных группировок (например, государственной бюрократии, служилой аристократии, купечества и т.д.) войти в сговор с целью монополизации какого-либо рынка [8]. То есть, объединение усилий различных институциональных образований нередко ведет к появлению своеобразных картелей, которые имеют возможность ограничивать свободу конкуренции и даже препятствовать инновационному развитию. При этом стоит учитывать, что коопeração может осуществляться как в форме вертикальной интеграции, когда один институт доминирует над остальными (к примеру, такой вариант встречается во взаимоотношения государственнои власти и вооруженных сил), так и горизонтального партнерства, когда институты сохраняют сопоставимый статус (сращивание науки и образования; взаимодействие семьи и образования в вопросах социализации подрастающего поколения и др.). Отсюда, актуальным является вопрос о том, какой из элементов институциональной матрицы обладает приоритетом в создании вторичных институтов. Так, К. Маркс отстаивал первенство экономической системы в данном вопросе, Д. Асемоглу и Дж. Робинсон, напротив, считают, ключевой роль политических институтов, а Ж. ле Гофф на примере средневекового Запада отдавал предпочтение влиянию культурных изменений. Поскольку каждая из приведенных версий имеет набор контрпримеров, задача социума в условиях модернизации, вероятно, должна состоять в выборе такого набора механизмов экономического роста и модели взаимодействия разных институтов, которые бы в наибольшей степени соответствовали географическим, историческим и иным условиям существования данной страны.

Армия в системе социальных институтов

Характерно, что вооруженные силы (в том или ином виде) для большинства обществ являются одним из базовых, а не вторичных социальных институтов, так как непосредственно связаны с удовлетворением потребности людей в безопасности. Их деятельность, таким образом, можно отнести к категории общественных благ, однако затраты государства на обеспечение внешней и внутренней безопасности часто не позволяют направлять достаточные средства на социальные или инфраструктурные проекты. В прошлом захватнические войны являлись инструментом по компенсации этих издержек, однако в современном мире они постепенно теряют смысл – ведь оккупация территории ведет к росту затрат на поддержание контроля над ней [9, р. 247]. Хотя еще Г. Моргентау относил военный потенциал к одному из важнейших компонентов мощи государства [10, р. 110], в ситуации, когда основное богатство страны сконцентрировано в ее научно-технических возможностях и человеческом капитале, их присвоение

насильственным путем с трудом реализуемо. Рассуждения на эту тему привели Д. Норта и его соавторов – Дж. Уоллеса и Б. Вайнгаста – к идеи о важности консолидированного политического контроля над вооруженными силами, как пороговом условии для эффективного функционирования социально-экономической системы. Эта мысль была последовательно аргументирована в получившей широкую известность книге «Насилие и социальные порядки» [11, р. 169–181].

Действительно, силовые ведомства – не только армия, но и различные секретные службы – как правило, отличаются достаточно высоким уровнем корпоративности, и их члены часто не приемлют вмешательство в свои внутренние дела со стороны гражданской администрации. Достаточно вспомнить, что в период реализации в нацистской Германии политики Холокоста, на фоне повсеместной борьбы с иудейским влиянием в немецкой экономике и культуре, в рядах германских вооруженных сил, по данным американского историка Б.М. Ригга, служили десятки тысяч евреев, многие из которых – на командных должностях [12]. С одной стороны, в этом можно увидеть расхождение между государственной идеологией и политической практикой, свойственное некоторым авторитарным режимам. Однако, скорее, речь шла о неспособности руководства правящей партии как-то повлиять на внутреннее устройство армии и ее неформальные нормы в рамках сложившейся модели гражданско-военных отношений. Косвенным подтверждением данного обстоятельства служит и тот факт, что командование Люфтваффе во главе с Г. Герингом не смогло добиться от немецких пилотов систематического расстрела вражеских летчиков в воздухе после катапультирования – эта практика носила как на Восточном, так и на Западном фронте эпизодический характер.

Фактически, даже в условиях диктатуры степень контроля политических лидеров, групп и партий над деятельностью вооруженных сил и их субинститутов может оставаться невысокой, а в ситуации внешней военно-политической угрозы влияние таких ведомств приобретает гипертрофированный характер. Такого рода предостережения были сделаны Г. Лассуэлом в статье «Государство-гарнизон» в контексте влияния милитаризированных организаций на органы народного представительства и гражданскую бюрократию [13]. При этом высокий уровень затрат на поддержание их существования при опасности перехода к гражданско-военной конфронтации в случае попыток ликвидации заставляет искать альтернативные способы применения армии и специальных служб.

Как следствие, правительства могущественных в военном отношении держав нередко проявляли стремление к переориентации деятельности силовых структур в экономическую или социально-культурную плоскость. Ведь при появлении какой-либо относительно новой для общества проблемы ее решение может осуществляться либо специально спроектированным для этого институтом, либо данная функция распределяется между уже существующими институтами, изначально созданными для иных целей. Так, в советский период истории на вооруженные силы был возложен широкий спектр функций, прямо не связанных с их непосредственными задачами по поддержанию обороноспособности – армия участвовала в реализации проектов в области культуры и спорта, была вовлечена в ремонтно-строительные работы, развивала в стране туризм, служила институтом социализации молодежи и т.д.

Конечно, степень эффективности использования силовых структур для решения столь широкого круга социальных задач является весьма спорной, поскольку может негативно сказываться на исполнении ими первоочередных функций.

Общеизвестным примером неэффективности совмещения институтов – в частности, труда и армии – в российской истории можно назвать военные поселения, существовавшие в первой половине XIX века. Попытка создания системы, одновременно обеспечивавшей самоокупаемость вооруженных сил и подготовку резервов из крестьян, повлекла за собой излишнюю регламентацию быта, семейных отношений и хозяйственной деятельности поселенцев. Армия оказалась неэффективным распорядителем сельскохозяйственных земель и трудовых ресурсов, поэтому, хотя поселения и приносили государственной казне формальную прибыль, они стали конфликтогенным фактором в социально-политических отношениях, порождая восстания и заговоры. Скажем, в проектах переустройства Российской империи, составленных «декабристами», присутствовало единодушие в вопросе ликвидации военных поселений.

Армия и проектирование вторичных институтов

Вместе с тем, использование отдельных структурных компонентов вооруженных сил в проектировании вторичных институтов способно преодолеть данный негативный эффект.

В качестве характерного примера можно привести историю развития духовно-рыцарских орденов Западной Европы (тамплиеров, госпитальеров, тевтонцев и др.). Эти организации представляли собой особые корпорации, вовлеченные и в вооруженные конфликты, и финансовые операции. Хотя их существование, по мнению некоторых историков, нарушало сами основы христианской этики, институты армии, церкви и предпринимательства, как оказалось, удачно дополняли и уравновешивали друг друга. По современным подсчетам доходы Ордена Рыцарей Храма (тамплиеров) были больше доходов Святого Престола и некоторых государств Европы.

Имея около 9000 командорств в разных регионах, включая Палестину, тамплиеры могли одновременно создавать, использовать и охранять торговые пути с Востока на Запад. При этом в культурном отношении они привносили в предпринимательскую деятельность, как корпоративную солидарность, так и стремление к первенству, характерное для рыцарей. В таком ракурсе не удивительно, что некоторые исследователи полагают рыцарские ордена прообразом транснациональных корпораций, так как именно они в Средневековье выполняли функции хранения сбережений, выдачи ссуд и даже передачи информационных сообщений (почтовые услуги). Тем самым, сочетание идеологии рыцарства с монашескими обетами смогло превозмочь принцип «*pecunia pecuniam parere non potest*» («деньги не могут рождать деньги»).

Более того, именно рыцарским орденам часто приписывается создание в Европе медицинских школ, госпиталей и пропаганду гигиены [14], активное строительство странноприимных домов и дорог, развитие картографии, поощрение научных изысканий. Вероятно, причина участия тамплиеров в создании общественных благ лежала в плоскости религиозной природы их организации. Так, в уставе ордена прямо указывалась обязанности рыцарей защищать бедных, вдов и сирот, хотя от членов ордена при этом требовалось отринуть собственные желания. Если учесть, что доходы тамплиеров доходили до 8 млн. ливров, а содержание рыцарей обходилось лишь примерно в треть этой суммы, оставшиеся средства в соответствии с идеологией ордена следовало направлять на благие дела социального, политического или культурного характера. Фактически, речь шла о создании общественных благ негосударственными структурами, что являлось важной предпосылкой для интенсификации социально-экономического развития стран Европы, впоследствии получившей название «великая дивергенция».

Куда более интересный пример в рамках рассматриваемой темы представляет собой военное наемничество, которое У. Мак-Нил именовал «военным предпринимательством» [15]. Будучи распространено в Швейцарии, Германии, Франции, Скандинавии, Северной Италии, Шотландии и других странах и территориях в XII–XVII веках, оно не только способствовало усовершенствованию военно-административных процедур, но и стимулировало генезис капитализма. Во-первых, масштабное использование наемников повлекло за собой пересмотр налоговых систем европейских стран, пытавшихся окупить их дорогостоящие услуги, а также расширение арсенала финансовых инструментов – развитие займов, конфискаций, искусственных колебаний валютных курсов и т.д. Во-вторых, обращение жителей небогатых стран к данной профессии в какой-то мере позволяло снизить демографическую нагрузку на аграрные общества, располагавшие ограниченной площадью обрабатываемых земель. Именно так объяснял причины развития наемничества у себя на родине шотландский граф У. Александр в XVII веке: «Шотландия из-за ее густонаселенности вынуждена освобождать себя (подобно пчелиному улью), ежегодно отсылая рой своих уроженцев на военную службу в Польшу, они проявляют себя и в войнах против России, Турции или Швеции» [16, р. 38].

Предоставление в наем военных отрядов обеспечивало приток в страну иностранной валюты и за счет этого аккумулирование денежных средств, необходимых для развития мануфактурного производства. Можно даже утверждать, что наличие многочисленных отрядов наемников должно было позволять купцам собственными силами обеспечивать безопасность торговли без необходимости обращения к ресурсам государственной власти. При этом высокие цены на услуги наемников, по мнению Р. Лахмана, позволяли незнатным горожанам из числа цеховиков «выторговывать» себе различные права и привилегии в вопросах самоуправления за счет участия в финансировании военных операций [17, pp. 64, 105]. К тому же, не только монархи, благодаря привлечению наемников, могли подавлять различные акции неповиновения, укрепляя собственную власть, но и народы, стремящиеся к самоопределению, имели возможность достигать своих политических целей без многочисленных потерь среди мирного населения.

Наибольших успехов на данном поприще достигли швейцарцы. Созданная в Швейцарии система найма предусматривала оплату напрямую кантону за наем солдат. То есть, вне зависимости от того – вернулся ли наемник с прибылью домой или погиб на полях сражений, его родной кантон извлекал выгоду. Характерно, что эта выгода (в случае гибели) состояла не только в получении денежного вознаграждения от нанимателя или снижения демографической нагрузки, но и в сохранении внутренней стабильности Союза. Нужно учитывать, что при объединении кантонов в Конфедерацию договор 1291 года установил между ними военный союз против внешней агрессии – внутренние же конфликты следовало урегулировать без применения насилия. Эти положения не только плохо соответствовали характеру эпохи, но и с трудом могли быть исполнены, если принять во внимание особенности населения Швейцарии. Про жителей этих территорий современники писали, что «эти люди жестоки и грубы и воюют со всеми соседями, даже если ничего от них не требуют». Такие черты существенно затрудняли мирное сосуществование в коллективе, но в сфере военного предпринимательства были весьма ценны – экспорт военных услуг становился формой сублимации и капитализации насилия. Наиболее опасные члены общества, покидая Швейцарию в составе отрядов наемников, получали легальную возможность направить свою агрессию на внешнего врага, оберегая от нее сограждан-конфедератов. И если военный устав Цюриха 1444 года хотя бы запрещал «воинам вырывать сердце из тела мертвого противника», то аналогичный документ Люцерна 1449 года «предписывал не брать никого в плен, а

убивать» [\[18, р. 291\]](#), т.е. в каком-то смысле даже поощрял применение насилия.

Еще одно важное наблюдение по данному поводу сделал правовед XVIII века Э. де Ваттель: «Солдат-наемник, обучаясь военному ремеслу, становится более способным служить своей родине, если она когда-нибудь будет в нем нуждаться... Спокойствие и глубокий мир, которыми издавна пользуется Швейцария, в то время как Европу раздирают войны, этот долгий отдых стал бы вскоре пагубным для нее, если бы ее граждане на иностранной службе не закалялись в военном деле и не поддерживали своего воинского духа» [\[19, р. 89\]](#).

Фактически, возникновение наемничества как комбинации институтов армии, труда и предпринимательства обеспечило Швейцарии возможность преодолеть недостатки географического и демографического характера, подготовив почву для будущего промышленного переворота. Хотя экономический подъем Швейцарии, как правило, связывают со второй половиной XIX века, статистические данные свидетельствуют, что и в более ранние периоды уровень жизни в этой стране был выше, чем во многих других государствах континентальной Европы [\[20\]](#). Фактически, социально-экономический фундамент для прославивших Швейцарию банков, шоколатье и часовых дел мастеров был подготовлен именно военным предпринимательством [\[21\]](#).

Во многих странах за пределами Западной Европы такого рода вторичные институты не смогли сложиться, например, из-за того, что военная служба ассоциировалась в основном с исполнением гражданского, религиозного или семейного долга, а не с получением исключительно финансовой выгоды. К примеру, если до монгольского завоевания служба восточнославянских наемников в Византии была обыденным делом, то с началом возвышения Москвы местные князья стали активно бороться с выездом бояр на службу в другие страны. При Иване III и Василии III с князей и бояр регулярно брали клятвенные обещания в виде подписанных грамот не выезжать на службу в Великое Княжество Литовское.

Собственно, после освобождения от ордынской зависимости Россия пошла по пути импорта, а не экспорта военных услуг. Со временем военное наемничество (ушкуйников, казаков) превращается в эпизодическое явление. Определенную роль в этом могли сыграть ограниченность числа стран-соседей, несовершенство средств транспорта (не позволявшие сильно расширить перечень потенциальных нанимателей) и конфликты на религиозной почве. Однако, по всей видимости, главное объяснение крылось в отсутствии в стране перенаселения (как в Скандинавии или Шотландии) в силу огромности территории. Русским правителям было выгоднее «прикреплять» людей к земле, нежели вывозить за границу человеческие ресурсы, поэтому вместо «военного предпринимательства» сформировалась система крепостного права.

Интересен в этом отношении пример Японии, которая, как и некоторые европейские страны, страдала от излишней демографической нагрузки в период Раннего Нового времени, однако островное положение не позволяло полноценно развивать военное предпринимательство на внешней арене. Распространение получили иные практики, направленные на сдерживание роста численности населения – ритуальные самоубийства («сэппуку») и дуэли, а также предоставление самураям права на убийство представителей низших слоев общества («кири-сют гомен»).

Возможность дополнительной капитализации военных практик на Востоке появилась в XX веке, когда культивировавшиеся усэнами (буддистскими воинами-монахами) боевые искусства были популяризированы кинематографом и мультипликацией. В мире были

сняты сотни фильмов о восточных единоборствах, принесших студиям и актерам огромную прибыль. Можно вспомнить, что фильм «Путь дракона» 1972 года собрал в прокате более 130 млн. долларов США, хотя его бюджет был в тысячу раз меньше. Фактически, к союзу институтов армии и религии добавилось влияние искусства, благодаря чему восточные единоборства (ушу, карате, айкидо и др.) расширили сферу своего применения из областей самообороны и нападения в один из драйверов экономического роста.

Вместе с тем, нельзя не признать наличие и негативных последствий объединения вооруженных сил с иными элементами институциональной матрицы. Например, тесное переплетение институтов семьи и армии в Московской Руси XV-XVI веков привело к появлению местничества – весьма специфической системы назначения на командные должности в зависимости не от личных талантов, а от заслуг предков [22]. В результате, наиболее талантливые полководцы не могли рассчитывать на допуск к командованию вследствие низкого статуса своей семьи. Хотя этот механизм был формально отменен при царе Федоре Алексеевиче, даже в российской императорской армии он сохранялся в неявной форме – к примеру, за счет так называемой системы старшинства (периодически даже издавались «Списки офицеров по старшинству»), в соответствии с которой не только производилось очередное повышение по службе, но и решались противоречия между офицерами. При равенстве званий и должностей большим авторитетом пользовался тот из командиров, кому звание было присвоено раньше – эта система, вероятно, была наследницей армейских порядков Московии.

То есть, позитивный эффект от координации институтов не является константой и часто связан с условиями, в которых эта интеграция происходит, и ее конечными целями.

Противоречивый опыт гибридизации институтов, связанных с применением насилия показывает и пример мафии, возникшей на стыке институтов семьи, предпринимательства и криминальной деятельности. На определенных этапах развития Сицилии данная организация исполняла набор позитивных функций и являлась структурой, созданной для поддержания социального порядка в условиях, когда государственная власть с этой задачей неправлялась. Играя роль экономического посредника и гаранта исполнения контрактов, мафия предоставляла альтернативные официальным административным органам услуги, а для легализации средств, полученных преступным путем, мафиози активно открывали и легальные предприятия, создавая рабочие места. Хотя считается, что доминирование бондингового социального капитала замедляет экономическое развитие [23], в криминальной сфере доверительные отношения внутри коллектива, скрепленные кровнородственными связями, являлись, скорее, преимуществом, так как должны были снижать уровень взаимного насилия. Проблемы в данном случае состояла, как минимум, в том, что уровень насилия по отношению к людям за пределами мафиозного сообщества лишь возрастал, так как идеология данной криминальной группы предполагала использования понятия «честь» при совершении актов насилия для оправдания таких действий мотивами, находящимися за рамками личной выгоды.

Заключение

Таким образом, возможности участия вооруженных сил в модернизационных процессах не только не исчерпаны, но даже до конца не изучены. Способность армии участвовать в создании вторичных институтов через своеобразные гибридные соглашения с иными организациями и социальными группами определяет широкий круг возможностей по

решению актуальных общественных проблем. Сложность в этой связи состоит лишь в том, что заранее предсказать, какая именно форма вторичного института, получившаяся в результате гибридных институциональных соглашений, окажется эффективной практически невозможно. Полученные этим способом результаты А.С. Грибоедов метко охарактеризовал фразой «смешенье... французского с нижегородским». Если же спроектированный вторичный институт оказывается недостаточно эффективным в решении социально-политических, экономических, экологических или иных проблем, длительность его существования в структуре матрицы может ограничить возможности реформирования.

Приведенные факты позволяют утверждать, что финансовые вложения в развитие вооруженных сил в перспективе могут окупаться не только через механизмы технологической конверсии, но и за счет совершенствования институциональной среды. В таком ключе даже милитаризм в определенных исторических ситуациях может сыграть положительную роль в общественном развитии. Ведь режимы Наполеона Бонапарта во Франции и Г.А. Насера в Египте смогли принести народам этих стран значительную долю прогресса, опираясь именно на вооруженные силы. Однако перед исследователями должна быть поставлена задача по поиску механизмов повышения эффективности процессов проектирования вторичных институтов с участием силовых ведомств.

Библиография

1. Wissler C. Man and Culture. New York: T.Y. Crowell Press, 1923. 371 p.
2. Vico J. The New Science. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1948. 494 p.
3. Kirdina-Chandler S. Institutional Matrices Theory, or X-and Y-Theory: A Response to F. Gregory Hayden // Journal of Economic Issues. 2017. Vol. 51. No. 2. Pp. 476–485. DOI: 10.1080/00213624.2017.1321428
4. Polterovich V. Towards a General Theory of Social and Economic Development: Evolution of Coordination Mechanisms // Russian Journal of Economics. 2018. Vol. 4. No. 4. Pp. 346–385. DOI: 10.3897/j.ruje.4.33621
5. Coser L.A. Social Conflict and the Theory of Social Change // The British Journal of Sociology. 1957. Vol. 8. No. 3. Pp. 197–207. DOI: 10.2307/586859
6. Koslowski P. Die postmoderne Kultur. Gesellschaftlich-kulturelle Konsequenzen der technischen Entwicklung. München: C.H. Beck, 1987. 192 s.
7. Sylvan D.A. Analyzing Political Decision Making from an Information-Processing Perspective: JESSE // American Journal of Political Science. 1990. Vol. 34. №1. Pp. 74–123. DOI: 10.2307/2111512
8. Kahan A. Notes on Serfdom in Western and Eastern Europe. // The Journal of Economic History. 1973. Vol. 33. No.1. Pp. 86-99. DOI:10.1017/S0022050700076452
9. Collins R. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford: Stanford Univ. Press, 1999. 328 p.
10. Morgenthau H.J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred Knopf, 1948. 615 p.
11. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. 308 p. DOI: 10.1017/CBO9780511575839
12. Rigg B.M. Hitler's Jewish Soldiers: The Untold Story of Nazi Racial Laws and Men of Jewish Descent in the German Military. Lawrence: Univ. Press of Kansas, 2004. 460 p.
13. Lasswell B.H. The Garrison State // The American Journal of Sociology. 1941. Vol. 46. №4. Pp. 455–468.
14. Porter R. The Greatest Benefit to Mankind: A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present. London: Harper Collins, 1997. 831 p.

15. McNeill W.H. *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since 1000 A.D.* Chicago: Univ. of Chicago Press, 1983. 416 p.
16. Alexander W. *An Encouragement to Colonies*. Edinburgh: George Robb, 1867. 291 p.
17. Lachmann R. *Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. 336 p.
18. Contamine P. *War in the Middle Ages*. New York: Basil Blackwell, 1984. 408 p.
19. de Vattel E. *Law of Nations. Book 1*. Philadelphia: T. & J.W. Johnson, 1844. 656 p.
20. Studer R. *When Did the Swiss Get so Rich? Comparing Living Standards in Switzerland and Europe, 1800–1913* // *Journal of European Economic History*. 2008. Vol. 37. No. 2. Pp. 405–452.
21. Auf der Maur J. *Söldner für Europa: Mehr als eine Schwyzers Familiengeschichte*. Basel: Echtzeit Verlag, 2011. 106 s.
22. Kollmann N.S. *Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1987. 324 p.
23. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена исследованию институциональной структуры, выявлению роли вооруженных сил и вторичных социальных институтов в современном обществе.

Методология исследования базируется на обобщении исторического опыта модернизационных процессов; изучении публикаций, посвященных вопросам социально-экономического и институционального развития.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что осуществление модернизации социума возможно за счет проектирования вторичных социальных институтов посредством соединения структурных элементов первичных институтов между собой.

Научная новизна исследования состоит в выводах о способности армии участвовать в создании вторичных институтов через своеобразные гибридные соглашения с иными организациями и социальными группами, что определяет широкий круг возможностей по решению актуальных общественных проблем, а также выводы о том, что финансовые вложения в развитие вооруженных сил в перспективе могут окупаться не только через механизмы технологической конверсии, но и за счет совершенствования институциональной среды.

В публикации структурно выделены следующие разделы и подразделы: Гипотеза исследования, Понятие вторичных институтов, Армия в системе социальных институтов, Армия и проектирование вторичных институтов, Заключение и Библиография.

В тексте статьи сформулирована и проверяется гипотеза о том, что институциональные различия между государствами определяются структурами второго порядка, появившимися на основе комбинаций первичных институтов (универсалов) под влиянием разных условий жизни этносов, исторического опыта и индивидуальных инноваций. Авторы исходят из того, что наряду с фундаментальными институтами (армией, семьей, производством и др.) в обществе функционируют вспомогательные институты, которые носят вторичный характер по отношению к институтам базовым, а их задача состоит в нивелировании географических, климатических, демографических и иных недостатков, характерных для каждого территориального образования; эффективно

спроектированные «вторичные» институты способны создать механизм трансформации этих недостатков в драйверы социально-экономического развития. Вооруженные силы, по мнению авторов, являются базовым, а не вторичным социальным институтом, так как непосредственно связаны с удовлетворением потребности людей в безопасности. Но правительства могущественных в военном отношении держав нередко проявляли стремление к переориентации деятельности силовых структур в экономическую или социально-культурную плоскость, т.к. при появлении какой-либо относительно новой для общества проблемы ее решение может осуществляться либо специально спроектированным для этого институтом, либо данная функция распределяется между уже существующими институтами, изначально созданными для иных целей. Авторы полагают возможным использовать отдельные структурные компоненты вооруженных сил в проектировании вторичных институтов; рассматривают встречавшиеся в истории человеческой цивилизации позитивные и негативные последствия объединения вооруженных сил с иными элементами институциональной матрицы.

Библиографический список включает 23 источника – научные публикации на иностранных языках по рассматриваемой теме, опубликованные за весьма продолжительный период: с 1923 г. по 2018 г. На источники в тексте публикации имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Хочется высказать пожелание: пояснить чем обусловлено наличие в списке использованных источников исключительно зарубежных публикаций: отсутствием отечественных работ по данной проблеме или же какими-то иными причинами – читателям наверняка это будет интересно.

Тема статьи актуальна, материал отражает результаты проведенного авторами исследования, содержит элементы приращения научного знания, соответствует тематике журнала «Национальная безопасность / nota bene», может вызвать интерес у читателей и рекомендуется к публикации.